

Полякова Ирина Алексеевна

АПОЛОГИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

В статье рассматриваются философско-антропологические основания биографического творчества Н. А. Бердяева. Внимание сосредоточено на автобиографическом смысле проблемы одиночества. Показаны особенности передачи экзистенциального опыта средствами философского нарратива.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 173-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Договор, предметом которого являются медицинские услуги, направленные на ограничение репродуктивных процессов человека (искусственное прерывание беременности и стерилизация), также обладает рядом особенностей. Искусственное прерывание беременности и стерилизация осуществляются ради сохранения здоровья или по иным мотивам. Мотивация здесь играет существенную роль, поскольку стремление лица ограничить свои репродуктивные возможности искусственным путем нередко сталкивается не только с проблемами медицинского, но и правового, политического, нравственного и религиозного характера. При этом нередко мотивы социального характера (низкий уровень жизни, отсутствие мужа и т.д.) соседствуют просто с нежеланием иметь ребенка при полном социальном благополучии. В разных странах общество и государство по-разному относятся к этой проблеме, в целом не поощряя аборт, но и не запрещая их, предоставив женщине самой решать вопрос о своем материнстве.

Учитывая специфику предмета такого договора, здесь также существуют некоторые особенности. Так, оказание возмездных услуг такого рода возможно лишь в течение 15 недель беременности. Производство аборта возможно лишь при отсутствии медицинских противопоказаний. Требуется согласие женщины на искусственное прерывание беременности, и наоборот, согласия не требуется, если существует угроза жизни или здоровью женщины или ребенка при патологии развития плода.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время существует многообразие медицинских договоров, которые можно подразделить на три группы. Однако правовое понятие возмездной услуги в медицине насчитывает не одно тысячелетие, и формирование договорных отношений в медицинской сфере прошло длительный путь. При этом современные медицинские договоры, как бы разнообразны они ни были, в основе своей имеют договор личного найма, сформулированный еще юристами Древнего Рима.

Список литературы

1. Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 20-33.
2. Гражданское право: учебник. Изд-е 4-е / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Юрист, 2003. Ч. 2. 705 с.
3. Гуляев А. М. Наем услуг. Юрьев, 1893. 230 с.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Наука, 1975. 290 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части второй / под ред. О. Н. Садикова. М.: Юрист, 1996. 12 с.
6. Пиляева В. В. Гражданское право: части общая и особенная: учебник. М.: Статус, 2003. 467 с.
7. Черниловский З. М. Римское частное право. М.: Проспект, 2001. 224 с.

REIMBURSABLE MEDICAL SERVICES: LEGAL REGULATION PROBLEMS (HISTORY AND MODERN AGE)

Ol'ga Glebovna Pechnikova, Ph. D. in Law
Department of Civil-Legal Disciplines
Moscow Institute of Entrepreneurship and Law
lex1881@mail.ru

The author analyzes the legal essence and regulation problems of reimbursable services in medical practice and pays special attention to the contractual relations in this area by the material of historical and current normative acts.

Key words and phrases: medical service; contract; object of contract; subject of law; medicine.

УДК 130.3(091)

В статье рассматриваются философско-антропологические основания биографического творчества Н. А. Бердяева. Внимание сосредоточено на автобиографическом смысле проблемы одиночества. Показаны особенности передачи экзистенциального опыта средствами философского нарратива.

Ключевые слова и фразы: философская автобиография; самопознание; одиночество.

Ирина Алексеевна Полякова, к. филос. н., доцент
Кафедра философской антропологии
Санкт-Петербургский государственный университет
i-polyakova@rambler.ru

АПОЛОГИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА©

Николай Александрович Бердяев (1874-1948), «русский романтик начала XX века», как он сам себя называл [4, с. 15] выдвинул проблему одинокого человеческого бытия в мире во главу своего творчества, назвав

«болезнь одиночества» одной из основных проблем экзистенциальной философии. С одиночеством он связывает тайну человеческого существования, онтологически укорененную в человеческом бытии.

О том, что человеческая личность таинственна в большей степени, чем мир, писали многие русские мыслители, но для Бердяева данное положение служит не теоретическим постулатом или красивой идеей, обрамляющей философскую концепцию, а фактом личного бытия, осмысленным автобиографически. Тема одиночества пронизывает многие философско-антропологические сочинения Бердяева, но для нас в данном случае интересно преломление этой темы в его философской автобиографии, представленной в качестве особого жанра философского творчества.

К биографическому жанру в своем творчестве Бердяев обращался неоднократно. Он написал книгу об Алексее Степановиче Хомякове (1912), назвав ее «психологической биографией» [2, с. 3] и поставив в ней задачу дать цельный образ Хомякова, характеристику его личности. Ему принадлежит также сочинение о Федоре Михайловиче Достоевском (1923), в котором он пытается интуитивно (по его словам) воссоздать мирозерцание русского писателя [3]. «Самопознание» (1940), жанр которого Бердяев определил как «*философская (курсив мой – И. П.) автобиография*», от обычной автобиографии (рассказа от первого лица о внешних и внутренних событиях жизни в хронологическом порядке) отличается тем, что это *история духа и самосознания*. Непосредственно биографический материал в форме воспоминаний изложен в книге сухо и схематично. Его назначение – представить характеристику среды, описать разные «атмосферы», которые автор проходил в истории «своего духа».

Главное содержание философской автобиографии Бердяева – философское познание: «...я самого себя и свою жизненную судьбу делаю предметом философского познания» [4, с. 8]. Ценность этого акта заключается в возвышении над временем и приобщении ко времени экзистенциальному (к вечности). Характер воспоминаний в данном случае указывает на избирательность (сознательную и бессознательную) мнемонического акта и на активно-преображающий характер памяти: воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением. В биографической памяти чередуются воспоминание и забвение. Поэтому свою установку Бердяев определяет так: «Моя память о моей жизни и моем пути будет сознательно активной, то есть будет творческим усилием моей мысли, моего познания сегодняшнего дня. Между фактами моей жизни и книгой о них будет лежать акт познания, который меня более всего и интересует» [Там же].

По заявлению, сделанному в самом начале книги, ее автор пытается избежать «выдумки» и стремится осуществить действительный акт философского познания. Но не хронология событий, а темы и проблемы, «мучившие» Бердяева в течение жизни, определили структуру его философской автобиографии: «Я и мировая среда»; «Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство»; «Сомнения и борения духа»; «Искание смысла жизни»; «Мир философского познания»; «Религиозная драма» и др. Воспоминания в тексте чередуются с философскими размышлениями, причем последним отведено гораздо больше места. В качестве фактов автобиографии выступают мысли и осмысленные переживания. Так, к примеру, Бердяев пишет: «Выход из мира аристократического в мир революционный – основной *факт* моей биографии, не только внешней, но и внутренней» [Там же, с. 37].

Многие философские идеи Бердяева, представленные в его автобиографии, хорошо знакомы нам из других его сочинений или, точнее, подготовлены и сформированы всем процессом его философского творчества. Что побудило Бердяева изложить эти идеи еще раз и именно в автобиографической форме? Побудительной силой написания философской автобиографии, по его признанию, послужила потребность понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу. Главное в книге – самопознание *собственного духа и собственных духовных исканий*, так как *собственное (курсив мой – И. П.) существование*, а не человеческое существование как таковое наиболее экзистенциально.

Самопознание собственного духа для Бердяева невозможно без осознания смысла одиночества. Автобиографический смысл одиночества определен уже самим актом самопознания. Выход личности из родового быта, проникновение в тайну собственного Я неизбежно сопровождаются чувством одиночества. Через момент одиночества рождается самосознание личности. Бердяев пишет: «Когда человек мучительно и остро переживает чувство одиночества, он переживает свою собственную личность, свою единственность и неповторимость» [5, с. 268].

Пока человек живет в ограниченном, уютном пространстве, он не испытывает чувства одиночества. Как только он ощущает, что живет во Вселенной, к нему неизбежно приходит чувство одиночества и покинутости. Но философ всегда живет во Вселенной, и потому он изначально одинок. Так, Бердяев пишет о себе: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине все происшедшее с миром произошло со мной. И настоящее осмысливание заключается в том, чтобы понять все происшедшее с миром как происшедшее со мной» [4, с. 8].

Осуществляя апологию одиночества и отмечая, что на определенной стадии оно может иметь положительный смысл и выступать моментом самосознания личности и начала духовного роста, Бердяев подчеркивает, что речь в данном случае идет об одиночестве относительном. Оно становится основной проблемой Я, болезнью, которая может и должна быть преодолена посредством общения с Ты (трансцендирования Я к Ты). Одиночество преодолевается в глубине человеческого существования через обретение духовности, через укрепление личности, через любовь к Богу [5, с. 272]. Но окончательное преодоление одиночества можно мыслить лишь в достижении целостного андрогинного образа, который означает преображение природы. Поэтому в реальной жизни многие пути преодоления одиночества оказываются иллюзорными. Познание, религия, искусство, участие в социальной жизни и другие формы

взаимодействия с миром объектов, ориентированные на общее, преодолевают одиночество лишь отчасти. Человек может быть социален, но одинок. И самое мучительное одиночество есть одиночество в обществе, хотя жизнь в обществе имеет огромное значение для судьбы *Я* и является фактом его внутреннего существования. Вечный конфликт между *Я* и объектами, неизбежность объективации, создающей безличный мир, предопределяют драматический характер осознания одиночества. С одной стороны, человек имеет священное право на одиночество, с другой – он страдает от своего одиночества. Особое напряжение этот процесс обретает на жизненном пути философа.

Если большинство людей преодолевают свое одиночество через жизнь в коллективном сознании, то философ, не являясь человеком коллективного родового сознания, не может начинать с объективации *Я* в коллективном сознании; философия начинается с *Я* [Там же, с. 266]. Философское одиночество преодолевается через познание, которое не является рациональным актом. Это познание духовное, ориентированное на встречу с *Ты*, которое никогда не может восприниматься в качестве объекта, а есть другое *Я*. Трансцендированием *Я* преодолевается одиночество, на которое философ обречен в большей степени, чем другие люди. Философское познание такого рода лежит в основании личной философии, которая для Бердяева выступает концептуальным основанием его философской автобиографии.

Перевод экзистенциального опыта в нарративную форму часто требует сознательного отказа от следования схеме или какой-либо универсальной теоретической конструкции, так как речь идет не о жизни вообще, а о *моей* жизни, о *моем* персональном опыте, о *моем* индивидуальном существовании. Это в полной мере обнаруживает философская автобиография Бердяева. Осмысление человеком (более того – философом) своей жизни, получившее не только литературную, но и философскую форму выражения, – это драматический процесс (само)становления, (само)познания, который невозможно рассматривать в единой линейной перспективе, потому что в нем на первый план выступают противоречия, сопряженность внутреннего и внешнего. Мы сталкиваемся с нелинейным характером событий (в качестве событий выступают и мысли, если они не просто постигнуты в мышлении, а глубоко пережиты и прочувствованы личностью), с нелинейным характером памяти, понимаемой как творческий акт. Так у Бердяева события мира, которые вполне можно рассматривать в традиционной временной перспективе, трансформируются в личный опыт и занимают в драме его жизни свое, совершенно особенное место.

Границы *био* с того момента, как биографический жанр перестал сводиться лишь к жизнеописанию, а продемонстрировал свой потенциал жизнепонимания, значительно расширились и трансформировались. Идея *пластичности человека*, заявленная в философских автобиографиях Ницше и Бердяева, биографических очерках Соловьева и Ортеги-и-Гассета, может быть передана средствами столь же пластичного философского нарратива.

Своим философским автобиографическим опытом Бердяев демонстрирует определенный биографический тип, который М. М. Бахтиным был обозначен как «платонический» и который нашел наиболее отчетливое выражение в «Апологии Сократа» и «Федоне». По характеристике Бахтина, этот тип автобиографического самосознания человека связан «со строгими формами мифологической метаморфозы», в основе которой лежит *хронотоп* – «жизненный путь ищущего истинного познания» [1, с. 58]. На античной почве этот путь проходит «через самоуверенное невежество, через самокритический скепсис и через познание самого себя к истинному познанию (математика и музыка)»; «реальное биографическое время здесь почти полностью растворено в идеальном и даже абстрактном времени этой метаморфозы» [Там же]. Для Бердяева этот путь – сложный и драматический процесс осознания, оправдания и преодоления одиночества.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман: сборник. СПб.: Азбука, 2000.
2. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996.
3. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923.
4. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
5. Бердяев Н. А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. М.: Республика, 1994.

APOLOGIA OF LONELINESS IN N. A. BERDYAEV'S PHILOSOPHICAL AUTOBIOGRAPHY

Irina Alekseevna Polyakova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophical Anthropology
St. Petersburg State University
i-polyakova@rambler.ru

The author considers the philosophical and anthropological grounds of Berdyaev's biographical works, pays special attention to the autobiographical meaning of loneliness problem and shows the specific features of existential experience transfer by means of philosophical narrative.

Key words and phrases: philosophical autobiography; self-cognition; loneliness.